

Николай Лесков

Пламенная патриотка

Николай Семёнович Лесков Пламенная патриотка

*Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=175398*

Содержание

Николай Лесков

Пламенная патриотка

Из чужеземных правительственных знаменитостей я видел покойного Наполеона III – на открытии бульвара в Париже, князя Бисмарка – на водах, Мак-Магона – на разводе и нынешнего австрийского императора, Франца-Иосифа – за кружкой пива.

Самое памятное впечатление произвел на меня Франц-Иосиф, хотя он при этом капитально поссорил между собою двух моих соотечественниц.

Это стоит того, чтобы рассказать.

Я был за границую три раза, из которых два раза проезжал «столбовою» русскою дорогою, прямо из Петербурга в Париж, а в третий, по обстоятельствам, сделал крюк и заехал в Вену. Кстати, я хотел навестить одну достойную почтения русскую даму.

Это было в конце мая или в начале июня. Поезд, в котором я ехал, привез меня в Вену около четырех часов пополудни. Квартиры мне для себя не пришлось отыскивать: в Киеве снабдили меня рекомендациею, избавлявшею от всяких хлопот. Я, как приехал, так сейчас же и устроился, а через час уже привел себя в порядок и пошел к моей соотечественнице.

В этот час Вена тоже сделала свой туалет: над нею прошел сильный летний дождик и потом вдруг на совершенно голубом небе засверкало лучистое солнце. Красивый город, умывшись, смотрел еще красивее.

Улицы, которыми вел меня проводник, все казались очень изящными, но по мере того, как мы подвигались к Леопольдштадту, изящество их становилось еще заметнее. Здания были больше, сильнее и величественнее. У одного из таких проводник остановился и сказал, что это отель, который мне нужно.

Мы вошли чрез величественную арку в обширный зал, расписанный в помпейском вкусе. Направо и налево у этого зала были тяжелые двери из темного дуба; противоположная стена роскошно драпирована красноватым сукном. Посредине залы стояла коляска, запряженная парой живых лошадей, и на козлах сидел кучер.

Этот великолепный зал попросту есть не что иное, как «ворота». Мы были под такими воротами, каких я еще не видал ни в Петербурге, ни в Париже.

Вправо находилось помещение швейцара. Оно тоже замечательно; замечателен и сам великолепный швейцар с камергерской фигурой: он сидел тут, как золотистый жук, в витрине из громадной величины зеркальных стекол. Ему все вокруг было видно: а возле него, для важности или для какого другого удобства,

стояли три ассистента и все с аксельбантами. Если бы представилась надобность кого-нибудь не пропустить или вывести, такой швейцар сам, конечно, рук бы об это не пачкал.

На мой вопрос: «здесь ли моя знакомая?» – один из ассистентов отвечал: «здесь», а когда я спросил: «могу ли я ее видеть?» – ассистент доложил швейцару, а тот повел дипломатически бровью и сам объяснил мне:

– Собственно говоря, я не думаю, чтобы княгине теперь было удобно принять вас, – ей поданы лошади, и ее сиятельство сейчас уезжает кататься. Но если вам очень нужно...

– Да, – перебил я, – мне очень нужно.

– В таком случае я прошу у вас минуту терпения.

Было ясно, что имею дело с настоящим дипломатом и о минуте терпения спор был неуместен.

Мы взаимно друг другу поклонились.

Швейцар пожал электрическую пуговку в столе, перед которым помещалось его папское кресло с высокою готической спинкою, и, приложив ухо к трубке, через секунду объяснил мне:

– Княгиня уже сходит с лестницы.

Я остался ее ждать.

Через минуту моя знакомая показалась на белых мраморных ступенях, в сопровождении давно мне из-

вестной ее пожилой русской горничной Анны Фетисовны, у которой есть роль в этом маленьком рассказе.

Княгиня встретила меня с отличающею ее всегдашнюю милую приветливостью и, сказав, что она сейчас едет сделать свою послеобеденную прогулку, пригласила меня прокатиться вместе.

Она хотела показать мне Пратер. Я ничего не имел против этого, и мы поехали: я рядом с княгиней на заднем сиденье, а напротив нас Анна Фетисовна.

В противоречие тем, кто утверждает, что за границей все ездят гораздо тише, чем в России, мы понеслись по венским улицам очень быстро. Кони были резвые и горячие, кучер – мастер своего дела. Венцы в парной, дышловой упряжи правят так же красиво и ловко, как поляки. Наши кучера так ездить не умеют. Они очень грузны и сучат вожжами, – нет у них свободного движения в ленте и всей той «элевазии», которой так много в кракусе и в венце.

Не успел я оглянуться, как мы были уже в Пратере. Я не буду делать ни малейшей попытки к тому, чтобы описывать этот парк, но скажу только то, что необходимо для надлежащего освещения предстоящей сцены.

Напоминаю, что это было около пяти часов вече-

ра и тотчас после сильного дождя. Свежая влажность еще лежала повсюду: тяжелый гравий на дорожках казался коричневым, на листьях деревьев сверкали чистые капли.

Было порядочно сыро, и я не знаю: эта ли сырость или несколько ранний час были причиной, что все лучшие аллеи парка, по которым мы прокатили, были совершенно пусты. Едва-едва мы встретили какого-то садовника в куртке с граблями и лопаткой за плечами, и более никого; но моя добрая хозяйка вспомнила, что, кроме этой, так сказать, белой части парка, есть еще *черновая*, называемая Kalbs-Prater или «телячий парк» – место гулянья венской черни.

– Это, говорят, будто бы интересно, – сказала княгиня, и тотчас же велела кучеру ехать в Kalbs-Prater.

Тот взял влево, крикнул свой гортанный «ой», щелкнул бичом, и под нами точно стала оседать почва, мы куда-то как будто спускались, мы падали, как будто роняли себя в низшую сферу.

Ситуация прекрасно гармонировала с общественностью.

Картина быстро менялась: аллеи становились эже и были менее чисто содержаны, на песке и по окраинам куртин, кое-где, мелькали обрывки бумажек. Зато начали встречаться люди, все пешеходы, снача-

ла продавцы известных венских колбасиков, потом – публика. Некоторые плелись с детьми. Здешняя публика, очевидно, сырости не боялась, а боялась только потерять минуту дорогого времени.

Бедный, когда женится, ему ночь коротка, еще кратче час отдыха у таких трудолюбивых и бережливых людей, как южные немцы, у которых, однако, потребность в удовольствии велика почти так же, как у французов.

Навстречу нам не было никакого движения, – мы всех обгоняли. Очевидно, цель стремления у всех была впереди, она была там, куда и мы поспешали и откуда теперь минута от минуты слышнее стали долетать какие-то звуки. Странные звуки, точно жужжание пчелы между стеклом и занавеской. Но вот сквозь вершины деревьев мелькнул высокий фронтон большого деревянного здания; коляска опять взяла влево и вдруг остановилась. Мы были на перекрестке двух дорожек. Перед нами открылась довольно большая лужайка, на которой, по ту сторону, стоял большой деревянный дом в швейцарском вкусе, а перед ним, на траве, тянулись длинные столы и за ними сидело множество всякого народа. Перед каждым гостем стояла его кружка пива, а на открытой галерее играли четыре музыканта и веялись в пляске венгерец с венгеркой. Вот откуда неслись те музыкальные звуки, кото-

рые издали напоминали жужжание пчелы между стеклом и занавескою. Жужжание это слышно и теперь, с тою разницею, что теперь в звуках уже можно слышать что-то хватающее за какой-то нерв и разливающееся вокруг со стоном, со звоном, с подзадором.

– Это танцуют *чардаш*: я вам советую обратить на них внимание, – проговорила княгиня. – Вы это не часто встретите: чардаш никто не сумеет так исполнить, как венгерцы. Кучер, подъезжайте ближе.

Кучер тронул вперед, но едва лошади переступили два шага, он остановил их снова.

Мы, конечно, подвинулись, но все-таки стояли еще слишком далеко, чтобы иметь возможность рассмотреть танцоров, а потому княгиня еще раз сказала кучеру подъехать ближе. Он, однако, казалось, не слышал этого повторения, но зато, когда княгиня сказала ему то же самое в третий, кучер не только тронул вожжи, но звонко хлопнул бичом и сразу выдвинул экипаж на самую середину лужайки.

Теперь мы все могли видеть в подробностях и сами были на виду у всех. Несколько человек из сидевших за столами при щелке бича оглянулись, но сейчас же опять обратились к танцорам, и только со ступеней нижней террасы на нас смотрел один толстый кельнер, но как будто ожидал какого-то надлежащего момента, когда между им и нами должен произойти об-

мен соответствующих взаимных сношений.

Я старался самым добросовестным образом исполнить совет моей дамы и хотел глядеть на чардаш, не сводя глаз, но случайное обстоятельство привлекло *мое внимание* к другому.

Едва мы остановились, как кучер слегка полуоборотился к экипажу и сказал:

– Kaiser!¹

– Wo ist der Kaiser?²

Кучер вместо ответа повел оттопыренным мизинцем перчатки в левую сторону, к противоположному концу поляны, где при таком же перекрестке, как тот, с которого мы выехали, теперь виднелись две конские головы светло-буланой, золотистой масти.

Видны были только две эти прекрасные головы в наборных уздечках с бирюзовыми пукальками, а самый экипаж оставался на таком расстоянии, на каком сначала хотел удержать нас наш кучер.

«Это, – подумал я себе, – в самом деле очень деликатно, но зато он оттуда ничего хорошего не увидит, да и на себя не дает нам полюбоваться. А это досадно».

Только не нужно было досадовать: в эту самую минуту, глядя по направлению, где стояли лошади, я без всякого затруднения увидал высокого, немножко су-

¹ Император! – Нем.

² Где император? – Нем.

туловатого, но бравого мужчину, в синей австрийской куртке и в простом военном кепи.

Это и был его апостолическое величество, старший член дома Габсбургов, царствующий император Франц-Иосиф. Он был совершенно один и шел прямо к расположенным на лужайке столам, за которыми сидели венские сапожники. Император подошел и у первого стола сел на скамейку с краю, рядом с высоким работником в светло-серой блузе, а толстый кельнер в ту же самую секунду положил перед ним на стол черный войлочный кружочек и поставил на него мастерски вспененную кружку пива.

Франц-Иосиф взял кружку в руки, но не пил; пока длился танец, он все держал ее в руке, а когда чардаш был окончен, император молча протянул свою кружку к соседу. Тот сразу понял, что ему надо сделать: он чокнулся с государем и сейчас же, оборотясь к другому соседу, передачею чокнулся с ним. С этим враз, сколько здесь было людей, все встали, все чокнулись друг с другом и на всю поляну дохнуло общее, дружное «Hoch!». Это «hoch» здесь кричат не громко и без раскатов, а так, как будто хорошо вздохнут от сердца.

Император осушил кружку за единый вздох, поклонился и ушел.

Буланые кони умчали его назад тою же дорогою, по которой, вслед за ним, уехали и мы. Но с нами теперь

ехала значительная сила произведенного этим случаем впечатления, и вся она местилась главным образом в Анне Фетисовне. Девушка, к немалому нашему удивлению, *плакала!*.. Она сидела перед нами, закрыв глаза белым носовым платком, и прижимала его руками.

– Анна Фетисовна! что с вами? – отнеслась к ней с доброй и ласковой шуткой княгиня. Та продолжала плакать.

– О чем вы плачете?

Анна Фетисовна открыла глаза и проговорила:

– Так, – ни о чем.

– Нет, в самом деле?

Девушка глубоко вздохнула и отвечала:

– Ихняя простота мне трогательна.

Княгиня подмигнула мне и, шутя, сказала:

– *Toujours serville! C'est ainsi que l'on arrive aux cieux.*³

Но шутка как-то не бралась за сердце. Волнение Анны Фетисовны давало иной смысл этому пустому случаю.

Мы возвратились в отель и застали здесь еще одного гостя. Это был австрийский барон, который собирался в Россию и учился по-русски. Мы пили чай, а Анна Фетисовна нам прислуживала. Говорили о мно-

³ Всегда раболепна! Так заслуживают вечного блаженства – *Франц.*

гом: о России, о петербургских знакомых, о курсе наших денег, о том, кто у нас всех лучше проворовался, и, наконец, о нашей сегодняшней встрече с Францем-Иосифом.

Весь разговор шел по-русски, так что Анна Фетисовна должна была все от слова до слова слышать.

Княгиня рассказывала мне не совсем «легальные» вещи из придворных буколик и политических рапсодий. Барон улыбался.

Всего этого я не имею нужды вспоминать, но одно считаю уместным заметить, что многие черты характера австрийского императора собеседница моя старалась мне истолковать в смысле искания *популярности*.

Этот трактат о популярности или, вернее сказать, о популярничанье, был развит с особою подробностью и с примерами, в числе коих опять выпрыгнула сегодняшняя кружка пива. И, – моя вина, если я ошибаюсь, – мне казалось, что это делалось гораздо менее для нас, чем для Анны Фетисовны, которая во все время то входила, то выходила, подавая что-нибудь нужное своей госпоже.

Это был какой-то женский каприз, который увлек мою соотечественницу до того, что она перешла от императора к народу или к народам, к австрийцам и к нам. Ей даже нравилось, как «венские сапожники»

держали себя «с достоинством», и затем она быстро переносилась на родину, к нашим русским людям, к их пирам и забавам, к зеленому-вину, и опять к слезам и к расстройству впечатлительной Анны Фетисовны.

Это уже говорилось по-французски, но барон все-таки только продолжал улыбаться.

– Мы еще спросим у моей почтенной Жанны ее мнения, – сказала княгиня и, когда девушка пришла за чашкою, хозяйка сказала:

– Анна Фетисовна, вам ведь сегодня очень понравился здешний король?

– Да-с, очень понравился, – скоро отвечала Анна Фетисовна.

Княгиня шепнула мне: «она злится», и продолжала вслух:

– А как вы думаете, если бы он приехал к нам в Москву, под качели?

Девушка молчала.

– Вы не хотите с нами говорить?

– Для чего же ему к нам, в Москву, приезжать?

– Ну, а если бы взял да и приехал? Как вы думаете: присел ли бы он к нашим мужичкам?

– Зачем же ему к нашим приседать, когда у него свои есть, – отвечала Анна Фетисовна и поспешно ушла с пустою чашкою в свою комнату.

– Она положительно злится, – сказала по-француз-

ски княгиня и добавила, что Анна Фетисовна пламенная патриотка и страдает страстию к обобщениям.

Барон все улыбался и скоро ушел. Я ушел часом позже.

Когда я простился, Анна Фетисовна, со свечою в руке, пошла проводить меня по незнакомым переходам отеля до лестницы и неожиданно сказала:

– И вы, сударь, согласны с тем, что нашей природы все люди без достоинства?

– Нет, – говорю, – не согласен.

– А зачем же вы ничего не сказали?

– Не хотел напрасно спорить.

– Ах, нет, сударь, это бы не напрасно... И еще при чужом бароне... Для чего всегда о своих так обидно! Будто нам чту дурное, а не хорошее нравится.

Мне стало ее жалко, да перед нею и совестно.

Заграничное мое странствование продолжалось недолго. Осенью я уже был в Петербурге и однажды в одном из переходов гостиного двора неожиданно встречаю Анну Фетисовну с корзинкою гарусного вязанья. Поздоровались, и я ее спрашиваю о княгине, а Анна Фетисовна отвечает:

– Я о княгине, сударь, ничего не знаю – мы с нею расстались.

– Неужели там, за границую?

– Да, я одна вернулась.

Зная их долголетнюю свичку, почти, можно сказать, дружбу, я выразил непритворное удивление и спросил:

– Из-за чего же вы расстались?

– Вы эту причину знаете: при вас было...

– Неужели из-за австрийского императора?

Анна Фетисовна минуту промолчала, а потом вдруг отрезала:

– Что же мне вам сказывать: сами видели... Он очень вежливый и в том ему честь, а мне за княгиню больно стало – за их необразование.

– Да что же тут касалось образования княгини?

– А то, что *он* король, да умел как сделать, встал да сел со всеми заровно, а мы, как статуи, в коляске напоказ выпятились и сидели. Все нас и осмеяли.

– Я, – говорю, – не видал, чтобы там над нами смеялись.

– Нет-с, не там, а в гостинице – и швейцар, и все люди.

– Чту же они вам говорили?

– Ничего не говорили, потому что я по-ихнему не понимаю, а я в глазах их видела, как они не уважают нашу необразованность.

– Ну-с, – и этого вам было довольно, чтобы расстаться с княгиней!

– Да... что же... чего удивительно, когда господь точно смесил нам языки, и мы не стали ни в чем понимать друг друга... Нельзя оставаться, когда во всех наших мыслях стало несогласно, я и отпросилась сюда. Не хочу больше служить: живу по своей серой природе.

В этой «природе» чувствовалось настоящее достоинство, с которым ей тяжка необразованность.

Княгиня недаром называла ее «пламенной патриоткою».

Впервые опубликовано – журнал «Исторический вестник», 1881.